

***

Много лет я больна этой жизнью-заразой,
и пока я жива, не становится проще.
Мне бы дом деревянный с широкой террасой,
чтоб она выходила на белую рощу,

где бы зимние птицы клевали рябину,
и вечернее солнце румянило иней,
чтобы сторож – угрюмый бирюк с карабином –
никого не пускал, и ночами в камине

жег и жег бы охапками мысли и страхи,
и дымок бы клубился над крышей косматой.
Я ложилась бы спать в полотняной рубахе,
и наутро ни в чем не была виноватой.

С каждым днем становилась бы тоньше и легче,
и однажды, ногой не достав половицы,
осознала бы – так оно, время, и лечит,
и теперь я готова совсем исцелиться.

Зимнее петербургское

Не спи, не спи, художник бедный,
вставай и выходи в пургу!

Туда, где скачет всадник медный
по шею в пляшущем снегу.

И – ни души. За снежной тучей
пропал Мариинский дворец.

Мы каждый сам себе творец
и сам себе несчастный случай.

Мы выйдем с Синего моста
на занесённый Вознесенский,
и пусть трещит мороз крещенский –
вокруг такая красота!

Художник, веселее пой,
пока лицо заносит снегом,
пока зима снимает слепок,
а ты хорошенький такой.

Мы все проступим по весне
сквозь почерневшие сугробы,
нас дворники в несвежих робах
на мартовский уложат снег.

И глядя в прорезь высоты
из петербургского ущелья,
мы сыщем повод для веселья,
ощеривая злые рты.

Дворняжье время

Памяти К.К.

1.

Какая нынче снежная зима,
какие нереальные морозы.

Таится ощущением угрозы
сползающая с крыши бахрома.
Она уже висит над головой,
покуда он, ещё вполне счастливый,
насвистывая лёгкие мотивы,
спешит домой:
там женщина, уют, горячий суп,
гирлянды свет в ненастоящей хвое —
всё то, что называется покоем
в его домашнем сказочном лесу.
Ему этаж четвертый нипочём:
пролёт, ещё пролет — скорей, скорее!
Он торопливо тычет в дверь ключом,
а там, за нею,
клубится снег в проёме синевы,
и ужас нарастающего свиста,
а он, с неразуменьем оптимиста,
шагает в...

2.

Что ж, от любви неукротимой
до трезвости неотвратимой лишь полшага.
В остатке плюсового стресса
два-три стиха, сюжет для пьесы — вся недолга.
А вот долги мужьям и жёнам...
Покуда было хорошо нам, кредит иссяк,
и, чтоб отдать по номиналу,
как ни крути, всё будет мало — и так, и сяк.
Ты скажешь: мол, люби, общайся,
чего ещё тебе для счастья — и так всё ОК?
Не ОК. И не держи обиды.
я просто тварь другого вида.
Прости, дружок.

3. Брошенка

Уходят, уходят — и тот,
и этот... И пусть их:
пустила козла в огород —
не плачь по капусте.
Такие теперь времена —
скупые, дворняжки, —
покуда кукуешь одна,
с кем только не ляжешь.
Что толку в комарьей борьбе,
в скулеже и плаче?
Весна расцветает в тебе
листвою цыплячьей!
Трещат распашонки квартир,
и пояс всё туже:
круглеет и ширится мир
внутри и снаружи.
Не это ли дань от щедрот
блаженным и сирым —
светящийся лунный живот
над сумрачным миром.

На окраине

В этой хрущёвке стены, что из бумаги,
горечью одиночества не заткнуть
детские вопли, грохот соседской драки,
стоны любовников – жизнью чужую муть.

Если зажмуриться, можно представить Невский,
центра вечернего золотоглазый флёр...
Мерно колышутся пыльные занавески –
хмурый сосед выколачивает ковёр.

Там, за окошком, в сумерках полинялых
ржавый гараж, зеленый помойный бак.
Это петля затянутого финала –
перехлестнуло, и не порвать никак.

Слив, как зрачок, затягивает в санузел.
Тут паутина, патина забытья.
Лопнул с изнанки шелковый шов иллюзий,
белые нитки вылезли из белья.

Тесная ванна. Трещины на эмали.
В воду уходишь, словно в стеклянный гроб:
Больше не надо, чтоб тебя понимали.
Хочется только, не доставали чтоб.

Вышло, что вкус этой жизни бездарно пресен.
Только кому теперь посылать упрёк? –
Разве что потолку, где впитает плесень
тускло блеснувший радужный пузырьёк.

***

В день солнечный, стеклянно-ледяной,
о мелочной судьбе своей не ной –
о нищете, соломенном вдовстве...
Иди, шурши, раскинься на листве,
вдыхай арбузный воздух октября,
как будто ты не зря, и всё не зря:
и осени неистовая синь,
и синяки у входа в магазин,
и скверик в конопатой пестроте,
и мамочки, пасущие детей,
и куполом сияющий собор,
и некто, наблюдающий в упор,
как падает его стеклянный шар,
в котором он все это намешал.